

Уроки родной истории

Пособие для юношества, агностиков и вообще

Мы продолжаем публикацию цикла эссе известного писателя Вячеслава ПЬЕЦУХА (начало см. в №№ 35, 36, 38, 39, 43, 45).

Политический терроризм родился в России задолго до исламских фундаменталистов, одновременно с электрическим освещением и романом Льва Толстого "Война и мир". День его рождения приходится на 4 апреля 1866 года, когда Дмитрий Каракозов стрелял в Летнем саду в императора Александра II Освободителя, но промахнулся, или, как говорили охотники того времени, спуделял. То ли у него револьвер был неисправен, то ли он перенервничал, то ли ему помешал крестьянин Комиссаров, который после, во всяком случае, был возведен в дворянское достоинство, получил денежное вознаграждение и, кажется, дом в Москве. С тех самых пор и вплоть до ликвидации самодержавия Романовых было застрелено, зарезано и взорвано на воздух до тысячи государственных деятелей разных уровней и до семи тысяч террористов было повешено по суду.

Вопрос: как такое могло случиться, чтобы в народе с известными христианскими традициями, незлобивом по природе, явившем высокую духовную культуру, давшем миру, в частности, Яблочкова и Толстого, вдруг могла сложиться школа политического убийства из видов царства Божия на земле? Такая школа была бы органична для какой-нибудь дикой соции вроде огнепоклонников, которые практикуют человеческие жертвоприношения, убивают новорожденных детенышей и ритуально едят отцов. Но в России, изнеженной сладкопарными Чайковским и премудрым христианским Владимиром Солоником, да еще в пору ее наивысшего расцвета, да чтобы сложилась такая аномалия, — это представляется немалым и напрямую оскорбительным для русского самосознания.

Ответ: предположительно дело в том, что общественная мораль в России имеет до того нестрогий, размытый очертания, что у нас вот человека функциональнее истопника, которого было бы не за что посадить. Допустим, интеллигентнейший русский человек способен походя украсть пару кирпичей, легко возводит небывальщину на товарища, дает взятки милиционеру и держит на антресолях незарегистрированное ружье; отсюда нет ничего удивительного в том, что несколько десятков молодых людей, не нашедших своего места в жизни, жертвенно настроенных и грешивших превратными понятиями о гуманизме, вздумали убивать царских чиновников, имея в виду идеальную государственную модель... Тем более что из-за нашей вековой ненависти к Российскому государству как "заговору против народа" общество мало сочувствовало жертвам политического террора и вчуже симпатизировало всякой уголовщине, имевшей антигосударственную направленность, из высших соображений и с перспективой мученического венца. Именно по этой причине ни интеллигентная среда, ни клир города Симбирска, ни коллега директора Керенского, ни гражданский генерал Ульянов, ни милейшая Мария Бланк не смогли воспитать двух известных молодых людей в древнем правили "не убий".

В обществе, день-деньской занятом в промышленном производстве,

В. Пьецух

где просто умереть с голода, если пальцем о палец не ударить, и оттого нет места праздному умствования, такого ни в коем разе не может быть. А в России каждый третий день был праздничным, между тем ничто так не способствует росту революционных настроений, как избыточные незанятость и досуг.

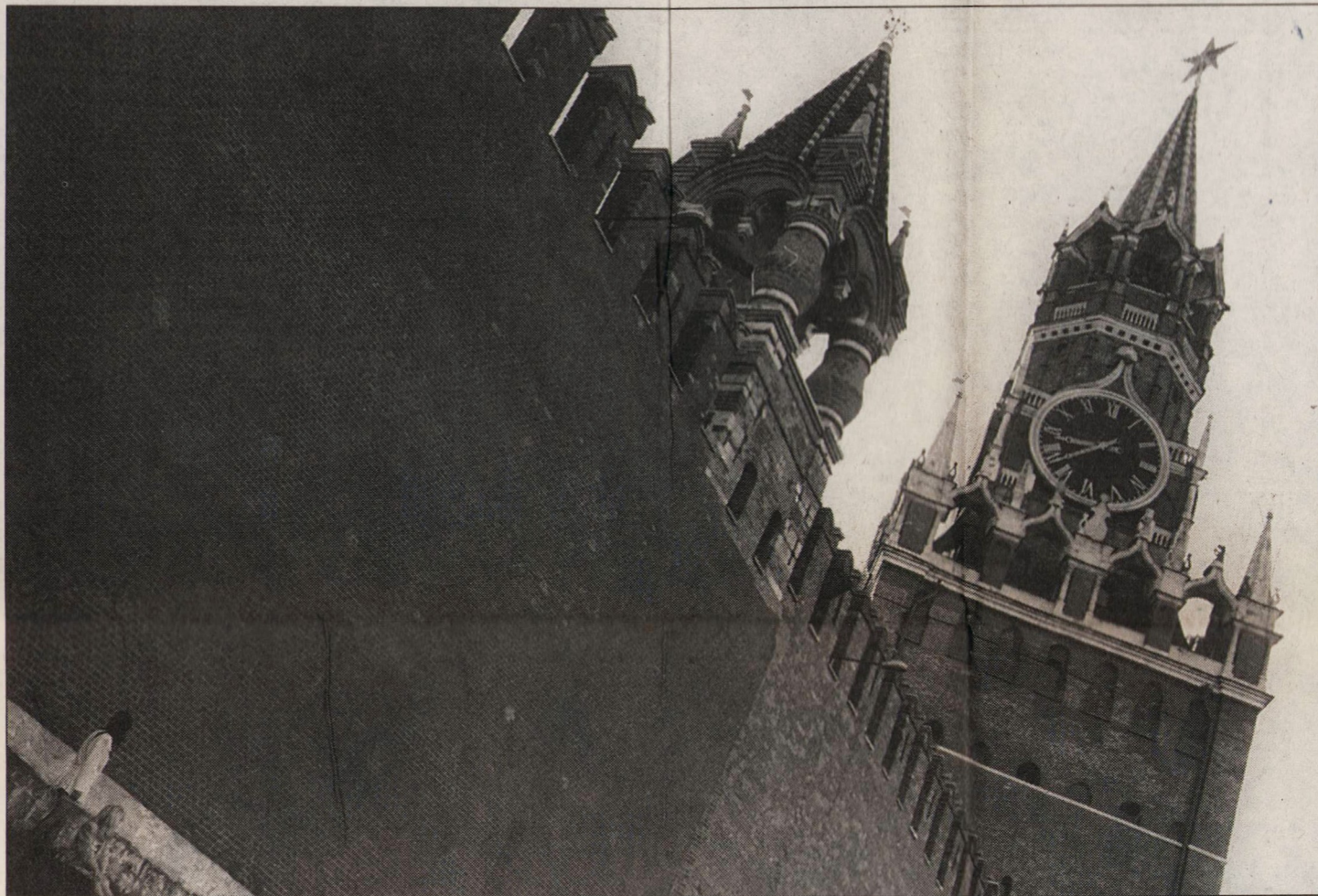
Многого указывает на то, что именно в XIX столетии европейская культура преодолела пик своего развития, а потом дело пошло на спад. Судя по одним только приемникам Федора Михайловича Достоевского, приходишь к убеждению: в XIX веке белая раса достигла предела своих возможностей в области мысли и прекрасного, чего ради всякой расе только и стоит существовать.

На что ни взгляни, все в позапрошлом столетии было совершенно, то есть окончательно хорошо. Затруднительно утверждать, но, сдается, человечество никогда не изобретет ничего прокрасивее длинного, прямого, закрытого платья для женщин и френчовой пары для мужчин, не сочинит ничего похитительнее того, что было сочинено Бетховеном и Чайковским, и культура общности останется в прудубнейших поколениях как недосягаемое благо, канувшее в Лету наравне с афинскими пелюрами, богословскими диспутами, балами и благотворным соборием, сумерничаньями и напьяном общением по душам.

Посмотрим, как пойдет дальше, но пока культура развивается в направлении, обратном или перпендикулярном научно-техническому прогрессу, судя по тому, что машины становятся все сложнее, а люди — проще. В эпоху Высокой Греции тамашние Архимед с Пифагором, вероятно, проходили по статье — безвредные выдумщики, а люди ойкумены занимались искусствами, налаживали демократические институты, вовели, вообще наслаждались краткосрочным праздником бытия. В пору Средневековья, когда человек весь сосредоточился на проблеме спасения души, был совершен только один прорыв — во время Столетней войны в Европе появилась огнестрельное оружие, и резня превратилась в правильную войну. Да Винчи, крупнейший деятель итальянского Возрождения, все-таки сначала был великий художник, а потом изобретатель парашютов и субмарин. И в плезирном XVIII столетии ведущей фигурой был поэт и мыслитель, а не инженер и ученый, недаром Кирилла Разумовский говаривал Ломоносову:

— Брось ты, Михайла Васильевич, свои дурацкие опыты! Ты же великий российский сочинитель, пиши стихи!

Но вот в XX столетии что-то сдви-

нулось со своих мест, какой-то слом произошел в организме всечеловечества, и дело культуры резко пошло на спад. Может быть, закономерное любопытство в его количественном выражении преобразовалось в то гибкое качество, которое обеспечивает господство материи над духом, удобного над прекрасным, простого над тем, что сложнее партии в "дурака". Может быть, в культуре просто-напросто отпала нужда либо потому, что она исчерпала свою миссию, воспитав человека положительного, либо потому, что Наверху рассудили: не в коня корм. Во всяком случае, наш классический современник ходит сравнительно обогранным, питается всухомятку, читает "Петербургские тайны", которыми в старину увлекались шарманщики и мелочные торговцы, говорит на диалекте и мыслит недлинно, как умный пес. Невольно посетуешь про себя: какое по сравнению хотя бы даже с шестидесятью годами прошлого столетия умаление и декаданс!

А то, может быть, дело в том, что движение культуры так же циклично, как смена времен года, и через две тысячи лет, которые как раз отдают Софокла от Рафаэля, жизнь человечества вернется в нормальную колею. Такая перспектива тем более вероятна, что планете Земля все-таки остается существовать еще около шести миллиардов лет, если, конечно, до того времени род людской не сгинет через наркотики и футбол.

Поскольку мы умеем так воспевать наши поражения, что они выглядят чуть ли не как победы, деяния русского человека на военном поприще воображаются нам куда более величавыми, чем это было наизаправду и наяву. Коли разобраться, вояки мы плохие и представля-

ем собой грозную, практически неодолимую силу, если только уж очень нас рассердить. А если русскому солдату приказано покорить Кавказ, или добыть новые рынки сбыта, или установить в Финляндии социалистическую республику, то из этого, как правило, получается ерунда. Англичане, те с песнями гибли за то, чтобы поработить зулусов, а нам этого не дано: русская армия, самая многочисленная в мире, ничего не могла поделать с союзным десантом во время Крымской кампании; Кавказ мы покорили чуть ли не шестьдесят лет; в Русско-японскую войну проиграли все сражения на суше и потеряли два флота усилиями народа, который, по историческим меркам, только-только освоил огнестрельное оружие и сменил свои джонки на железные корабли.

То есть чести следует приписать, что мы народ не воинственный, не отчаянный и относимся к войне, как к суровой необходимости, греховой работе, проявлению силы зла. Так что трудно сказать, кто из нас больше молодец: финны ли, отстаившие свою независимость в зимнюю кампанию 1939 — 1940 годов, или мы, вяло сражавшиеся за Финляндскую социалистическую республику и точно нарочно вводившие в заблуждение Третий рейх.

Другое дело, мы терпели обидные поражения на Западе и Востоке еще в то время, когда в России существовали вера, царь, Отечество, честь мундира; стало быть, в настоящее время нам нужно смиренно существовать еще около шести миллиардов лет, если, конечно, до того времени род людской не сгинет через наркотики и футбол.

У Антона Павловича Чехова был дом в Москве, подмосковная и два

имения в Крыму; но уже Мандельштам побирался, Платонов мел дворян, и на русском Парнасе царствовал Горький, человек симпатичный, но как писатель — середнячок. То есть куда идем?!

Судя по тому, что в наше время хироманта встретишь чаще, чем квалифицированного читателя, и что писатель из серьезных низведен до положения полусумасшедшего, в ближайшую пору, как видно, добра не жди. А все потому, что наших то повыбило в германскую и Гражданскую да основательно их поморили большевики. В результате одни ихние остались, как генотип, а наших теперь нужно днем с огнем отыскивать на развод; те самые ихние остались, которые продают оружие противнику, слыхом не слыхивали про русский Серебряный век и вообще произошли от противоестественного мезальяния между конокрадом и бобылем.*

Молодые люди идут в революцию по той же причине, что и в блужденье, — из-за неприспособленности (пожалуй, даже и физиологической) к положительному труду. За редкими исключениями,** все профессиональные борцы за демократию ли, социальную справедливость или национальную независимость суть люди вполне ненормальные, коли условиться, что потребность в социализации представляет собой здоровый инстинкт, общий для всех людей. Кроме того, борцы, как и уголовники, свойственны еще две злокачественные черты: романтизм и бессознательное презрение к простому человеку, который создан для неспешной жизни и положительного труда.

Оттого неудивительно, что борьба за реализацию каких бы то ни было возвышенных идеалов в ста случаях из ста вырождается в бан-

дитизм. К примеру, в случае с Октябрьской социалистической революцией 1917 года, которая преследовала высший общественно-хозяйственный идеал, мы получили резню в общенациональном масштабе и медленно затухающую страну. К примеру, в случае с Августовской буржуазной революцией 1991 года, которая преследовала реальный общественно-хозяйственный идеал, мы получили резню в общегосударственном масштабе и медленно затухающую страну.

Стало быть, мотаем себе на ус: если человек, вместо того чтобы растить картошку и воспитывать детей, норовит воззвать партию социал-эксплуататоров, его нужно опасаться, как буйнопомешанного, который ни с того ни с сего может хватить стулом по голове.

Мы потому взираем на западный мир с чувством легкого превосходства, что там давным-давно и главным образом люди заняты выращиванием картофеля и воспитанием детей, то есть окончательно омещались тамашняя публика и впадала в гнусный материализм. То ли дело мы: еще кое-кто из нас размышляет о возвышенном, не во всякий театр билет купишь и можно поговорить со случайным встречным о переселении человечества на Сатурн. Мудрено ли, что ни в одной стране мира не вздумали и, главное, не взялись строить коммунистическое общество, а русские вздумали и взяли.

Радоваться, впрочем, нечему: коммунисты пришли у нас к власти в 1917 году не потому, что мы такие благосные печальники по социальной справедливости в глобальном масштабе, а потому, что мы моложе и, следовательно, дурнее западного мира примерно на триста лет. То, что у нас недавно вытворили боль-

шевики, у них давненько-таки вытворили Кромвель и Робеспьер.

С тех пор на Западе известно (и даже неизвестно, а как-то передается из поколения в поколение на генетическом уровне), что добро осуществляется через зло, что общественное и личное благосостояние обеспечивают средства самого печального свойства, как то: подневольный труд, частная собственность, эксплуатация большинства меньшинством, ответственность, дисциплина и еще целый ряд технических видов зла. А если из любви к человечеству совершить вооруженный переворот и объявить с ближайшего понедельника всеобщее счастье, то из этого получатся только Кромвель и Робеспьер.

Такая квялая позиция нас, разумеется, не устраивает, в России взрослые люди годами горячатся на тот предмет, возможна ли победа социализма в отдельно взятой стране, или для нее требуется всемирно одновременный катаклизм... У нас даже премудрый Лев Толстой доказывал премьеру Петру Столыпину, что крестьянская община — залог и предтеча всеобщего благоденствия потому-де, что у них бывают сходы, как в древнем Новгороде, а на самом деле она была главной причиной недородов и нищеты.*** То есть в Европе дело ладится по "Фаусту": из злых побуждений, например, страсти к обогащению, как-то само собой выходит добро, например, реальный социализм. В России наоборот: из лучших побуждений, например, стремления к реальному социализму, как раз выходит необъятная сила зла.

К коммунизму как идее претензий нет, и даже, скорее всего, он — неизбежное грядущее человечества, а не германская блажь и беспочвенная мечта. Тем не менее, наверное, разумнее будет смириться с одиночанием народным, растленной государственностью, воинствующей буржуазностью и прочими обстоятельствами, сопровождающими первоначальное накопление капитала, каковое и в Европе XVII столетия отличали предельно омерзительные черты. Что же делать, коли Бог действует не прямо, а опосредованно, именно прообразует наши безобразия, вытекающие из природной свободы человека, в более или менее положительный результат.

Кстати заметить, через сто лет легко будет проверить, есть Бог, или же его нет; если через сто лет Россия не пресечется как полноценное государство, то Бог есть, а если пресечется, то стало быть, его нет. Ибо наше государство до такой степени растлил и обскровил свободный человек, что только на Бога и приходится уповать.

* Крестьянин без земельного надела.

** Как, например, Леонид Красин, широко образованный человек и выдающийся инженер.

*** Логика тут такая: общинное землепользование, равно как и колхозное, предопределяет соответствующую трудоотдачу, и поэтому коренным вопросом России в начале XX века было формирование свободного фермера, по-нашему — кулака.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Фото
Алексей МЕЩАНКИНА

(Окончание следует)